

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-3-541-555>

EDN: CPLSIE

Научная статья / Research Article

Кант и Марбургская школа

В.Е. Семенов

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Российская Федерация, Москва, 119991, Ломоносовский просп., д. 27, корп. 4
[✉semyonov.ve@philos.msu.ru](mailto:semyonov.ve@philos.msu.ru)

Аннотация. После завершения И. Кантом «коперниканского» поворота в метафизике вся последующая европейская философия в той или иной степени находилась под его влиянием. Цель исследования — рассмотреть рецепцию и трансформацию кантовской теоретической философии Марбургской школой неокантианства. Необходимо проанализировать причины интерпретации Г. Когеном и П. Наторпом критицизма Канта. Для этого следует рассмотреть (i) интерналистские и (ii) экстерналистские факторы становления Марбургской школы. Неокантианство, с одной стороны, возникло как ответ на материализм, натурализм и посткантовский немецкий идеализм. Кроме того, Марбургская школа испытала сильное влияние трансформации научной парадигмы в математическом естествознании в конце XIX века. Обоснование марбургцами априорного учения Канта предполагало тематизацию прежде всего: а) чистоты мышления; б) систематического единства мышления и опыта; в) ориентации философии на «факт науки»; г) трансцендентального метода. В итоге Марбургская школа интерпретировала кантовскую концепцию единства сознания; отказалась от принципа синтетического (реального) единства сознания в пользу систематического (логического) единства; обосновала чистоту научного мышления; выдвинула требование ориентации философии на «факт науки»; разработала концепцию первоначала мышления (Ursprung); отказалась от идеи «данности» предмета познания и доказала его «заданность»; изменила понимание сущности и функций трансцендентального метода; выдвинула концепцию мышления как «порождения» («производства»); сформулировала новое понимание *a priori*. Изменения, произошедшие в XIX веке в философии, математическом естествознании и математических науках, привели к резкой активизации конструктивизма. Можно сделать вывод о том, что эпистемологической парадигмой Канта был *реалистический конструктивизм*. Парадигмой Марбургской школы стал *чистый конструктивизм*.

Ключевые слова: чистота мышления, систематическое единство, первоначало, факт науки, трансцендентальный метод, а priori

История статьи:

Статья поступила 19.02.2023

Статья принята к публикации 14.06.2023

© Семенов В.Е., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Семенов В.Е. Кант и Марбургская школа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2023. Т. 27. № 3. С. 541—555. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-3-541-555>

Kant and Marburg School

Valeriy Ye. Semyonov

Lomonosov Moscow State University,
27/4 Lomonosovskiy Ave., 119991, Moscow, Russian Federation
semyonov.ve@philos.msu.ru

Abstract. After the completion of I. Kant’s “Copernican” turn in metaphysics, all subsequent European philosophy to one degree or another was under his influence. The purpose of the article is to consider the reception and transformation of the Kantian theoretical philosophy by the Marburg school of neo-Kantianism. It is necessary to analyze the reasons for H. Cohen’s and P. Natort’s interpretation of Kant’s criticism. To do this, one should consider (i) internalist and (ii) externalist factors in the formation of the Marburg School. Neo-Kantianism, on the one hand, emerged as a response to materialism, naturalism, and post-Kantian German idealism. In addition, the Marburg School was strongly influenced by the change in the scientific paradigm in mathematical natural science at the end of the 19th century. The justification by the Marburgers of Kant’s a priori doctrine presupposed thematization, first of all, of: a) purity of thought; b) systematic unity of thought and experience; c) the orientation of philosophy to the “fact of science”; d) transcendental method. As a result, the Marburg School interpreted the Kantian concept of the unity of consciousness; abandoned the principle of synthetic (real) unity of consciousness in favor of systematic (logical) unity; substantiated the purity of scientific thinking; put forward the requirement of orientation of philosophy to the “fact of science”; developed the concept of the origin of thinking (Ursprung); abandoned the idea of “givenness” of the subject of knowledge and proved its “assignment”; changed the understanding of the essence and functions of the transcendental method; put forward the concept of thinking as “generation” (“production”); formulated a new understanding a priori. The changes that took place in the 19th century in philosophy, mathematical natural science and mathematical sciences led to a sharp activation of constructivism. It can be concluded that Kant’s epistemological paradigm was realistic constructivism. Pure constructivism became the paradigm of the Marburg School.

Keywords: purity of thought, systematic unity, origin, fact of science, transcendental method, a priori

Article history:

The article was submitted on 19.02.2023

The article was accepted on 14.06.2023

For citation: Semyonov VYe. Kant and Marburg School. *RUDN Journal of Philosophy*. 2023;27(3):541—555. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-3-541-555>

Введение

Название этой статьи, любезно подсказанное Паулем Наторпом, сразу же ориентирует на исследование той неразрывной связи, которая закономерным образом установилась между кёнигсбергским «всесокрушителем» и теми его

последователями, которые объединились вокруг Германа Когена в Марбургском университете, создав тем самым одноименную неокантианскую школу.

С того времени, как Иммануил Кант завершил гносеолого-эпистемологический («коперниканский») поворот в метафизике, начатый еще Декартом, и создал трансцендентальную философию, вряд ли появились философские направления, школы или отдельные мыслители, которые не высказали бы своего мнения в отношении критицизма. После Канта стало невозможно не говорить о Канте. Из-за своей глубокомысленности и сложности «Критика чистого разума» породила фантастическое количество интерпретаций самой различной направленности — от глубокого неприятия до восторженного поклонения. Как результат, вся последующая европейская философия в той или иной степени (и в положительном, и отрицательном смысле) *отталкивалась* от Канта. Таким образом, Кант, как в свое время Платон и Аристотель, невольно стал всеобщим и бездонным источником развития и обновления всей европейской философской мысли.

Цель исследования — рассмотреть восприятие, понимание и трансформацию кантовской теоретической философии, представленной в «Критике чистого разума», теми последователями, которые получили название Марбургской школы. Очевидно, что проанализировать воззрения и интерпретацию Канта всех мыслителей, по традиции относимых к этому союзу, не представляется возможным. По этой причине я остановлюсь только на основоположниках школы — схолархе Германе Когене и Пауле Наторпе. Однако почему марбургцы выбрали источником вдохновения именно Канта и по какой причине они интерпретировали (= изменили) критическую философию кёнигсбергского гения? Ради этого необходимо рассмотреть (i) *интерналистские* и (ii) *экстерналистские* факторы становления этого философского сообщества.

Антинатурализм и стремление к чистоте мышления

История формирования неокантианства в целом как раз и представляет собою главный интерналистский фактор возникновения Марбургской школы.

Неокантианство, возникшее в 1860-х гг., было, разумеется, вдохновлено Кантом. Движение «возникло в ответ на материализм, натурализм и посткантианский немецкий идеализм, часто демонстрируя сильные связи с позитивизмом, особенно в ранний период. Первоначально оно преследовало двоякую цель: обеспечить научный статус философии, предприняв априорный эпистемологический анализ основных философских понятий, и приписать философии роль руководящего принципа (guide), роль, которую не могла сыграть ни одна из специальных научных дисциплин» [1. Р. 192]. Несмотря на такую определенность цели, неокантианство, по мнению К.Хр. Кёнке, есть не что иное, как «историко-философское явление, которое в лучшем случае имело общий знаменатель в так называемом обращении к Канту, но никогда

не представляло собою отдельного, определенного философского направления» [2. С. 214].

Так или иначе, но первая стадия развития неокантианства, как утверждает А. Пома, оказалась «физиологической» (Г. Гельмгольц, Ф.А. Ланге, О. Либман и др.) и тем самым «неадекватной» подлинной сущности философии, поскольку ориентировалась в теории познания на психофизическую организацию субъекта. В этой ситуации Герман Коген «отдает себе отчет в необходимости исходить из альтернативы субъективизм — объективизм, найти новый путь, который преодолел бы не только спекулятивную метафизику и материализм, но также и психофизиологический субъективизм. Он предпринимает еще раз «возврат к Канту», открывающий для него новый путь — трансцендентальную философию» [3. С. 26—27]. Сам Коген еще в Предисловии к первому изданию «Теории опыта Канта» (1871) утверждал, что «предпринял попытку по-новому обосновать априорное учение Канта», с тем, чтобы защитить его от «нападков» и «утвердить исторического Канта в его собственном облике» [4. С. 70]. Новое обоснование априорного учения Канта, как позже обнаружится, должно было с необходимостью включать в себя, прежде всего, тематизацию: а) чистоты мышления; б) систематического единства мышления и опыта; в) ориентации философии на «факт науки»; д) трансцендентального метода.

Несоизмеримость парадигм

Вторым, на этот раз — экстерналистским — фактором становления критической философии Марбургской школы и, следовательно, фундаментом интерпретации первой кантовской «Критики» стало то кардинальное изменение в математическом естествознании и самой математике, которое произошло в середине XIX в.

В 1860-х гг. Джеймс Максвелл, используя открытое М. Фарадеем явление электромагнитной индукции, приступил к поэтапному созданию теории электромагнетизма, законы которой оказались *несовместимыми* с прежними законами физики. В те же годы Рудольф Клаузиус, опираясь на труды Дж. Джоуля, Ю. Майера, Г. Гельмгольца, У. Ренкина, пришел к открытию и математической формулировке второго начала термодинамики, создав тем самым всех шокирующую *статистическую* физику. Позже Л. Больцман предложил статистическое истолкование второго начала и стал использовать новые статистические (вероятностные) методы для изучения физических объектов. О чем свидетельствуют эти факты?

Во-первых, та еще имеющаяся в физике во времена Ньютона и Канта *наглядность* физических объектов теперь, во второй половине XIX в., полностью исчезла. Строго говоря, и во второй половине XVII в., когда Ньютон издал «Математические начала натуральной философии» (1686—1687), пресловутая наглядность классической науки была очень большой натяжкой,

ибо существовала она не в природе (яблоко не падало на голову Ньютону! а жаль!), но только лишь в научных опытах. А что такое опыт? Опыт (эксперимент) — это искусственная ситуация, произведенная научным мышлением. Кроме того, любой человек, заглянувший в главный научный труд Ньютона, будет поражен фантастическим обилием (не-наглядной) математики, используемой ученым для описания сил природы. Впрочем, сам он определял предмет знаменитой книги как «математические основания физики», вовсе не обольщаясь химерической «наглядностью»: «Вся трудность физики, как будет видно, состоит в том, чтобы по явлениям движения распознать силы природы, а затем по этим силам объяснить остальные явления» [5. С. 3].

Во-вторых, с пришествием в физику начиная со второй половины XIX в. силовых линий электромагнитных полей, а затем и миллиардов частиц, ситуация коренным образом изменилась: ни поля, ни частицы не только не наблюдаемы человеческим глазом, но они также не обнаруживаются и «вооруженным» глазом (микроскопом, например). Все, что мы о них знаем (правильнее сказать: предполагаем), мы получаем с помощью научных приборов (осциллографа, в частности). Но все научные приборы суть не что иное, как «продолжение» научного мышления, точно так же, как молоток является «продолжением» человеческой руки. Проводимые в физике разнообразнейшие *измерения* так же являются продуктом научного разума, а вовсе не эмпирической процедурой. Осуществляемые наблюдения, как известно, оказывают различной степени воздействия на изучаемое явление: «наблюдая явление, нельзя хотя бы слегка не нарушать его ход, и без учета этого наблюдения теория не может стать последовательной» [6. С. 235]. Иначе говоря, теперь о физических «объектах» мы получаем лишь *косвенные* сведения при помощи *научного мышления*.

В-третьих, ньютоновское естествознание, бывшее образцом точной науки для Канта, к концу XIX в. — именно как образец — ступсевалось: как утверждает Нобелевский лауреат Ричард Фейнман, «классическая механика обанкротилась в мире атомов» [6. С. 234]. Законы перестали быть строгими и динамическими, ибо возникли законы статистические (вероятностные). Даже сохранившиеся в естествознании эксперименты стали большей частью *мысленными* экспериментами. В результате открылось как очевидность: «Неверно, что науку можно создавать только из тех понятий, которые напрямую связаны с опытом. Ведь в самой квантовой механике есть и амплитуда волновой функции, и потенциал, и многие другие умственные построения, не поддающиеся прямому измерению. Основа науки — в ее способности *предвидеть*. Предвидеть — это значит сообщать, что случится в опыте, который никогда прежде не ставился. Как этого можно добиться? Предполагая, что мы независимо от эксперимента знаем, что произойдет, мы экстраполируем опыт, выводим его в область, в которой он не ставился. Мы расширяем свои представления до пределов, в которых они никогда не проверялись. <...> Так что без умственных построений не обойтись» [6. С. 236—237].

В результате изменений в естествознании возникла *смена научной парадигмы*. От ньютоновской парадигмы наука перешла к электромагнитной, а затем и к эйнштейновской (релятивистской). Для нас теперь уже очевидно, что «парадигмы отличаются более чем содержанием, ибо они направлены не только на природу, но выражают также и особенности науки, которая создала их. Они являются источником методов, проблемных ситуаций и стандартов решений, принятых неким развитым научным сообществом в данное время. В результате восприятие новой парадигмы часто вынуждает к переопределению основ соответствующей науки. <...> Традиция нормальной науки, которая возникает после научной революции, не только несовместима, но часто фактически и несоизмерима с традицией, существовавшей до нее» [7. С. 142].

Все указанные факторы становления «научного критицизма» Марбургской школы с необходимостью повлияли на их восприятие и интерпретацию «Критики чистого разума». Новая парадигма задавала нетрадиционные представления о предмете науки, сущности научного мышления и его роли в построении теорий, онтологическом и методологическом статусе объектов науки, значении ощущений и восприятий в физике и математике, методах и способах конструирования научных моделей, системности научного знания. Таким образом, рецепция «Критики чистого разума» Марбургской школой в значительной степени формировалась новой ситуацией в математическом естествознании в конце XIX в.

Проанализируем ключевые моменты и специфику рецепции марбургцами первой «Критики».

Фундамент рецепции: единство сознания и чистота научного мышления

Для Канта *единство* сознания является первейшим условием и главной характеристикой сознания как такового. Так, в § 17 Трансцендентальной аналитики Кант формулирует: «Синтетическое единство сознания есть, следовательно, объективное условие всякого познания; <...> всякое созерцание, для того чтобы стать для меня объектом, должно подчиняться этому условию, так как иным путем и без этого синтеза многообразное не объединилось бы в одном сознании» [8. В 138. С. 209—211].

В основании объективного единства любого эмпирического сознания, любого эмпирического восприятия лежит трансцендентальное сознание (или трансцендентальное единство апперцепции). В первом издании «Критики» говорится: «Итак, невозможны никакие познания в нас, никакая связь и единство их без того единства сознания, которое предшествует всем данным созерцаний и лишь в отношении к которому возможно всякое представление о предметах. Это чистое, изначальное, неизменное сознание я хочу назвать *трансцендентальной апперцепцией*» [9. А 107. С. 157]. Роль *чистого сознания* огромна. Кант заявляет в отношении «чистой апперцепции»: «Все созерцания суть для нас ничто и нисколько не касаются нас, если они не могут быть

восприняты в сознании, все равно, влияют ли они на него прямо или косвенно; иным путем познание невозможно» [9. А 116. С. 167].

В параграфах А-издания о триедином синтезе Кант демонстрирует, каким образом формируются первичные ощущения и восприятия. Первым условием восприятия является *единство сознания*. Следовательно, и первой фундаментальной характеристикой сознания является его *единство*. Осознание тождества нас самих есть одновременно осознание *единства синтеза* всех явлений согласно понятиям. Таким образом, второй фундаментальной характеристикой сознания является его *синтетический характер*. Стало быть, существуют две важнейшие характеристики сознания: (i) его *единство*; (ii) его *синтетический характер*.

Комментируя § 17, Коген, как представляется, несколько иронично заключает: «Объект, понятие и соединение (Vereinigung) сходятся в одном пункте, а именно в многообразии. Это основное условие, первая предпосылка познания, которой должно удовлетворять созерцание. Многообразное должно теперь быть единым или, как это иначе называется, связанным. Соединение совершается в синтетическом единстве понятия, а это и есть „понятие о предмете вообще“. Следовательно, в конечном счете объект есть не что иное, как понятие о самом себе, осуществленное в синтезе многообразного» [10. S. 55]. Безусловно, с такого рода «эмпирическим» подходом марбургский схоляр категорически не согласен.

Кант придерживался методологической установки, согласно которой необходимо синтезировать в опыте предмет познания, исходя при этом из двух разнородных источников. Марбуржцы считают это недопустимым. Поэтому Пауль Наторп резко возражает: «оставлять в таком виде дуализм факторов познания совершенно невозможно, если мы серьезно придерживаемся кантовской идеи трансцендентального метода» [11. С. 128].

Единство сознания у Канта, полагает Коген, «страдает важным, можно сказать решающим, ограничением», поскольку не может быть признано «центральным в кантовской системе». Единство сознания никак не относится ни к диалектике, ни к этике, ни к эстетике; оно «стало добродетелью кантовской истины». Иначе говоря, «единство сознания определило себя как единство научного сознания» [12. S. 16]. Но самое главное заключается не в этом, а в том, что единство сознания — это, безусловно, не «чистое, изначальное, неизменное сознание», но только *единство принципов*. В этой связи Геерт Эдель подчеркивает: «Формулировка Когена однозначна: единство сознания „только“ — т.е. исключительно — в смысле единства принципов» [13. S. 424]. Как таковые, принципы научного мышления не имеют отношения к эмпирическому содержанию.

В самом деле, мышление современного Когену математического естествознания строится на единстве принципов, а вовсе не на единстве синтетического сознания. И если «мы будем помнить о том, что чистое, свободное от привнесений со стороны нашей субъективности восприятие есть миф, то нам

покажутся вполне естественными и справедливыми постоянные напоминания Когена о том, что ощущение есть не более чем впечатление, которому нельзя приписывать никакой объективности, что оно определяется и исправляется мышлением» [14. С. 49]. Справедливым будет заключение: единство сознания у Канта является *реальным* (конструктивно-реальным), у Марбургской школы — *логическим*, т.е. сугубо конструктивистским.

Такое качество сознания, как *чистота* (Reinheit), является принципиальным для критической философии марбургцев. Знаменитое основоположение Когена гласит: «Мы начинаем с мышления. Мышление не может иметь никакого первоисточника кроме самого себя, поскольку его чистота не должна быть ограничена и замутнена. Чистое мышление исключительно само по себе должно порождать исключительно чистые познания. Следовательно, учение о мышлении должно стать учением о познании» [12. S. 12—13].

Необходимо согласиться: научное познание больше не является синтезом чувственности и рассудка. Стало быть, «для Когена понятие о синтезе предопределено, в нем „зияет пробел“, который не может быть закрыт путем обращения к созерцаниям. Полное понятие мышления является „*беспредпосылочной автономностью*“ (*voraussetzungslose Selbständigkeit*) как в аналитическом, так и в синтетическом исследовании; определенность содержания разрабатывает непосредственно мышление, автономно, из себя. Из этого непосредственно следует логическая *чистота* познания, поскольку она представляет собой связность действительно определенных содержаний» [15. S. 66—67].

Таким образом, кантовское *синтетическое единство* сознания радикально трансформируется марбургцами в *систематическое единство* (научного мышления, принципов и опыта в целом). Коген при этом внес уточнение: «Систематическое единство отличается от синтетического так же, как идея от категории» [16. S. 647]. Наторп, кроме того, выдвинул еще одну (весьма странную, на мой взгляд) претензию в отношении синтеза, указав, что «Кант установил „рекогницию“ (тождественного как тождественного, т.е. полагание тождества) как самую основную функцию синтеза. Этот кантовский акт „рекогниции“ странным образом напоминает платоновский анамнесис. И то, и другое, по-видимому, приводит к тому, что то, что должно быть познано, должно было быть известно заранее» [17. S. 20]. Если же говорить о марбургской трансформирующей рецепции «Критики чистого разума» в целом, то ее сущность можно выразить кратко:

«1. Кантовское определение мышления как синтеза не является „исчерпывающим определением“, но должно более радикально схватываться в „образном выражении порождения“.

2. Множество (многообразное), которое служит у Канта в синтезе мышления предпосылкой, должно рассматриваться как порожденное, чтобы мыслилось оно как единство и — в качестве порождения мышления — могло

происходить не из какого-то другого источника, а только из мышления и его деятельности» [18. S. 140].

Как же реализуется порождающий науку принцип систематического единства опыта в конструктивистской философии Марбургской школы?

Предмет познания, «факт науки» и трансцендентальный метод

В трансцендентальной философии Канта предмет познания возникает исключительно в рамках опыта. Опыт в узком смысле — это синтетическое объединение двух начал познания, чувственности и априорных понятий рассудка, при обязательном последующем использовании синтетических основоположений чистого рассудка. В широком смысле опыт — это, конечно же, ньютоновское математическое естествознание, в котором Кант усматривал идеал точной науки.

В критическом идеализме Марбургской школы кантовские два «ствола» познания заменяются одним — чистым мышлением, которое порождается исключительно *первоначалом* (Ursprung). Соответственно, трансцендентальный синтез заменяется инфинитезимальным методом — особым механизмом порождения научных содержаний чистого мышления. При этом познание и опыт с необходимостью приобретают, как уточняет Наторп, так называемый «процессовидный» характер *fieri*, т.е. научное познание рассматривается «не как установившийся законченный факт, а как становление» [11. С. 127]. *Fieri* как бесконечный в сущности своей процесс становления знания как раз и является ярким выражением природы научной деятельности, опыта.

Кант в понимании самой первоначальной ступени познания исходил из того, что «посредством чувственности предметы нам *даются*» [8. В 33. С. 89]. Как видят эту же ступень марбуржцы?

Они дают такой ответ: необходимо исходить из «факта науки». Стало быть, можно констатировать, что «первый и основной постулат критического идеализма состоит в том, что он относится к научному познанию, и «факт науки» поэтому рассматривает в качестве того, что выступает данностью чувственности в догматическом или метафизическом идеализме» [19. С. 36].

Сам Коген полагает, что анализ и реконструкцию Кантова учения необходимо предварить отысканием «точки отсчета», из которой исходил сам Кант. Этой «точкой отсчета» является «*факт науки, обоснованный Ньютоном в системе принципов*» [4. С. 129]. Тогда перед философией (а не перед физикой) возникает закономерный вопрос: как возможно математическое естествознание?

Русский неокантианец А.Л. Саккетти дал свое объяснение требованию ориентироваться на «факт науки»: «Что же означает этот своеобразный трансцендентальный метод, или ориентирование познания в факте науки? — Не что иное, как *умозаключение от факта науки* и, в частности, от математического естествознания, к необходимым и достаточным условиям, к основным предположениям науки, каковы время, число, пространство, величина,

субстанциальность, причинность, систематическая взаимообусловленность и т.д., т.е. к тому, что нередко именуют основами, или *принципами*, научного знания» [20. С. 104]. На мой взгляд, исчерпывающий ответ.

Продемонстрированное марбуржцами обращение к предмету познания категорически исключает всяческую «данность». Предмет не «дан», а «задан», задан как бесконечная задача — таков классический ответ школы. Не могу удержаться и позволю себе привести еще одну знаменитую цитату Наторпа из «*Platos Ideenlehre*»: «Познание и предмет коррелятивны друг другу, а именно: они соотносятся как *путь* и *цель*. <...> Однако критицизм подчеркивает, что предмет — это *только х*, предмет — это *только проблема*, но *никогда не данное*; проблема, целостный смысл которой определен лишь в отношении к известным величинам уравнения, а именно — нашим фундаментальным понятиям, представляющим собой только основные *функции* познания, законы их *действия*, в которых заключается само познание. Это, скорее, их можно назвать „данными“, поскольку они вообще и делают познание возможным. Но сам предмет не дан, а скорее задан» [21. S. 367].

И все же остроумный Эрнст Кассирер «признал» некоторую данность: «Таким образом, это [когеновское] учение также полностью признает „данное“, на которое должно ориентироваться философское рассмотрение, но это данное, так сказать, более высокой ступени, состоящее не в материальной определенности вещей, а в логической структуре принципов и идей» [22. S. 258].

Именно трансцендентальный метод должен решать проблему «заданности» и конструировать предмет. Коген полагал, что принципом и нормой кантовского трансцендентального метода «является простая мысль: те элементы сознания являются элементами познающего сознания, которые являются достаточными и необходимыми для того, чтобы обосновать и укрепить факт науки» [4. С. 147]. Кантовский трансцендентальный метод вполне можно определить как исследование трансцендентального конститутивного сознания и определенных аспектов трансцендентальной субъективности: сущности и происхождения, условий возможности и объема, границ, принципов и законов применения, инструментов и механизмов, объективной значимости и систематического единства синтетических познаний *a priori*.

Однако трансцендентальный метод Марбургской школы следует рассматривать иначе. Так, например, Анджей Норас подчеркивает, что «с самого начала трансцендентальный метод считается методом основания философии и науки, аналогичным принципам, лежащим в основе философии и науки. Коген был убежден, что правильными априори являются синтетические законы, а не время, пространство и категории» [23. S. 526]. Кроме того, Норас, ссылаясь при этом на Г. Эделя, указывает, что когеновский «трансцендентальный метод реализуется в три этапа. Во-первых, опыт ориентируется только на математику и «чистые» науки, что сильно ограничивает его возможности. Второй шаг состоит в том, что эпистемология начинается с «факта познания», так

что ее трансцендентальный характер реализуется обнаружением условий возможности, и таким образом трансцендентальный вопрос становится ориентированным на достоверность. <...> Третьим шагом трансцендентального метода является построение понятия опыта» [23. S. 527—528]. И в том, и в другом случае трансцендентальный метод больше похож на *исследовательскую стратегию*, нежели на способ достижения какой-либо цели.

Ursprung und Erzeugung

Первоначало и *порождение* (производство) — вот ключевые слова и, соответственно, деятельность, создающая научное мышление и его результат. Таким образом, вовсе не кантовские два «ствола» познания и синтетическая деятельность рассудка участвуют в научном познании.

Коген дает следующую дескрипцию первоначала (Ursprung): «Стало быть, если познание равнозначно основоположению, то отныне оно обусловлено первоначалом. И если мышление — это мышление познания, то оно имеет свой исток и причину в мышлении первоначала. <...> Мышление является мышлением первоначала. <...> Поэтому логика должна стать логикой первоначала. <...> Все чистое познание должно состоять из видоизменений принципа первоначала. <...> Во всех чистых познаниях, которые она [логика] удостоверяет в качестве принципов, должен полностью господствовать принцип первоначала. Так логика первоначала становится логикой чистого познания» [12. S. 36].

Конкретизируя это основоположение, В.Н. Белов отмечает: «Согласно Когену, мышление есть мышление первоначала. Под первоначалом же он понимает, однако, не просто начало любого мыслительного процесса, но первоначало критического мышления; а в качестве „первоначала“ критического мышления он понимает, в сущности, акт вопрошания. По мысли марбургского неокантианца, мышление производится из себя и само устанавливается в качестве цели и задачи» [19. С. 37].

Обнаруживается, что первоначало как фундаментальное основание представляет собой функциональную работу мышления, в ходе которой порождается как разнообразные содержания мышления, так и устанавливаются всевозможные коррелятивные связи между этими содержаниями. Х. Хольцхай разъясняет: «Мышление как *первоначало познания* является чистым мышлением. Таким образом, с чистотой мышления устанавливается его логический приоритет. Однако Коген не утверждает никакого метафизического *a priori*; чистота мышления имеет функциональный смысл. <...> Метод есть мышление само по себе — как изначально порожденное его содержание» [24. S. 176—177]. Стало быть, первоначало выступает в качестве движения (Bewegung), которое осуществляет порождение, то есть процесс производства (Erzeugung) содержания научного мышления. Чтобы сам термин «порождение» не вводил в ненужные заблуждения, Коген предостерегает: «В дальнейшем, однако, образное выражение порождения не может нанести ущерба

характеристике мышления хотя бы потому, что порождение воспринимается не как продукт, а как прежде всего деятельность самого производителя. *Само производство (Erzeugung) является продуктом (Erzeugnis)*» [12. S. 29]. Следовательно, движение продуктивного мышления создает его содержание. Именно таким образом Коген решает вопрос о начале мышления и тем самым устраняет кантовскую проблему синтеза чувственности и рассудка. Стало быть, «„логика познания“ вытесняет „критику познания“ в силу того, что акцент переносится на производящий характер исключительно чистого мышления. Последнему не предшествует никакое созерцание — отсюда и разговор о нем в „Логике чистого познания“ Коген полагает излишним; оно само есть основание, процесс и результат своей деятельности» [25. С. 72]. Но тогда оказывается, что когеновское мышление не является ни объективным представлением и не имеет отношения к кантовским априорным созерцаниям пространства и времени. На каком же *a priori* оно базируется?

Представление Когена об *a priori*, по сравнению с Кантом, чрезвычайно запутано. Можно лишь сказать, что «суммируя все явные и неявные определения, данные Когеном самому понятию априори, — у него это и логическая форма, и закономерность, и «первый закон», и принцип, и условие познания, и предпосылка, и метод, и познавательная ценность, — а также случаи применения этого понятия, можно предложить одно единственное определение, согласно которому априори должно пониматься как *логический статус общеобязательной значимости суждений*» [26. С. 138]. Такого рода затруднения, пожалуй, неизбежны, если под научным мышлением понимать непрерывное (континуальное) действие по установлению разнообразных отношений внутри самого же мышления, в результате чего, по мысли марбургцев, порождается функциональное и систематическое единство науки. В этом случае «первоначало многообразного видится в единстве; первоначало есть не что иное, как требуемое окончательное единство, а именно — связанное единство» [17. S. 27]. Тогда главной функцией мышления является «связь, двойственное направление мышления на одновременное объединение разделенного и разделение объединенного, которое и в различии все же сохраняется как единство» [17. S. 26]. Таковы «метаморфозы» чистого научного мышления, лишенного эмпирического базиса и синтетической деятельности.

Заключение

Рецепция Марбургской школой «Критики чистого разума» принесла неожиданные результаты. Были подвергнуты трансформации многие кантовские основоположения. В частности, можно указать на то, что мышление обрело чистоту и систематическое единство; категории перестали заниматься синтетической деятельностью и объединять «многообразное»; изменилось понимание опыта и трансцендентального метода; априоризм уже не принадлежит одним лишь элементам познания, но коренится в самой основе научной деятельности; ощущения перестали играть роль поставщика чувственного

материала; вещь сама по себе превратилась в бесконечную задачу познания. Однако такие радикальные перемены не вызывают большого недоумения, ибо понятны основные причины таких метаморфоз.

Изменения, произошедшие как в процессе развития философии на протяжении XIX века, так и в математическом естествознании и математических науках, привели к тому, что научное мышление в самом деле обрело непривычную «чистоту», а создание теорий и даже целых направлений стало осуществляться путем *конструирования*, а не *конституирования*. Теперь можно со всей определенностью сказать: эпистемологической парадигмой Канта, которую он использовал в «Трансцендентальной аналитике», был *реалистический конструктивизм*. Такой же парадигмой Марбургской школы стал уже *чистый конструктивизм*.

Список литературы

- [1] *Holzhey H., Mudroch V.* Historical Dictionary of Kant and Kantianism. Lanham, Toronto, Oxford : Scarecrow Press, 2005.
- [2] *Köhnke K.Ch.* Entstehung und Aufstieg des Neukantianismus: Die deutsche Universitätsphilosophie zwischen Idealismus und Positivismus. Frankfurt am/M : Suhrkamp, 1986.
- [3] *Пома А.* Критическая философия Германа Когена / пер. с ит. О.А. Поповой. М. : Академический проект, 2012.
- [4] *Коген Г.* Теория опыта Канта / пер. с нем. В.Н. Белова. М. : Академический проект, 2012.
- [5] *Ньютон И.* Математические начала натуральной философии. М. : Наука, 1989.
- [6] *Фейнман Р., Лейтон Р., Сэндс М.* Фейнмановские лекции по физике: в 4 ч. Ч. 3—4. 3-е изд. М. : Мир, 1976.
- [7] *Кун Т.* Структура научных революций. 2-е изд. М. : Прогресс, 1977.
- [8] *Кант И.* Критика чистого разума (В, 1787) // Соч. на нем. и рус. яз. Т. 2. Ч. 1. М. : Наука, 2006.
- [9] *Кант И.* Критика чистого разума (А, 1781) // Соч. на нем. и рус. яз. Т. 2. Ч. 2. М. : Наука, 2006.
- [10] *Cohen H.* Kommentar zu Immanuel Kants Kritik der reinen Vernunft. Zweite Aufl. Leipzig : Felix Meiner, 1917.
- [11] *Наторп П.* Кант и Марбургская школа // Избранные работы / сост. В.А. Куренной. М. : ИД «Территория будущего», 2006. С. 119—144.
- [12] *Cohen H.* Logik der reinen Erkenntnis. 3. Aufl. Berlin : Bruno Cassirer, 1922.
- [13] *Edel G.* Von der Vernunftkritik zur Erkenntnislogik. Die Entwicklung der theoretischen Philosophie Hermann Cohens. Freiburg, München : Karl Alber, 1986.
- [14] *Сокулер З.А.* Герман Коген и философия диалога. М. : Прогресс-Традиция, 2008.
- [15] *Marx W.* Die philosophische Entwicklung Paul Natorps im Hinblick auf das System Hermann Cohens // Materialien zur Neukantianismus-Diskussion / hrsg. von H.-L. Ollig. Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1987. S. 66—86.
- [16] *Cohen H.* Kants Theorie der Erfahrung. 3. Aufl. Berlin : Bruno Cassirer, 1918.
- [17] *Natorp P.* Die logischen Grundlagen der exakten Wissenschaften. Leipzig, Berlin : Teubner, 1910.
- [18] *Mayerhofer H.* Der philosophische Begriff der Bewegung in Hermann Cohens “Logik der reinen Erkenntnis”. Wien : Universitätsverlag, 2004.

- [19] Белов В.Н. Философская система Германа Когена. М. : ЛЕНАНД, 2022.
- [20] Саккетти А.Л. Философия Германа Когена / публ., предисл. и коммент. Н.А. Дмитриевой // Кантовский сборник. 2021. Т. 40. № 2. С. 95—130. <https://doi.org/10.5922/0207-6918-2021-2-4>
- [21] Natorp P. *Platos Ideenlehre. Eine Einführung in den Idealismus*. Leipzig : Verlag der Dürr'schen Buchhandlung, 1903.
- [22] Cassirer E. Hermann Cohen und die Erneuerung der Kantischen Philosophie // *Kant-Studien*. 1912. Bd. 17. S. 252—273.
- [23] Noras A.J. *Geschichte des Neukantianismus / übersetzt von Tomasz Kubalica*. Berlin, etc. : Peter Lang, 2020.
- [24] Holzhey H. Cohen und Natorp: in 2 Bdn. Bd. 1. Basel; Stuttgart : Schwabe & Co. Verl., 1986.
- [25] Белов В.Н. Метод бесконечно малых как принцип теории познания в систематических построениях Г. Когена // *Вопросы философии*. 2018. № 3. С. 68—74.
- [26] Дмитриева Н.А. Понятие «априори» в немецком и русском неокантианстве // *Многообразие априори / под ред. А.Н. Круглова*. М. : Канон+, 2013. С. 129—148.

References

- [1] Holzhey H, Mudroch V. *Historical Dictionary of Kant and Kantianism*. Lanham, Toronto, Oxford: Scarecrow Press; 2005.
- [2] Kohnke KCh. *Entstehung und Aufstieg des Neukantianismus: Die deutsche Universitätsphilosophie zwischen Idealismus und Positivismus*. Frankfurt am/M: Suhrkamp; 1986.
- [3] Пома А. *Critical Philosophy of Hermann Cohen*. Popova OA, transl. Moscow: Akademicheskij proekt publ.; 2012. (In Russian).
- [4] Cohen H. *Kant's Theory of Experience*. Belov VN, transl. Moscow: Akademicheskij proekt publ.; 2012. (In Russian).
- [5] Newton I. *Mathematical principles of natural philosophy*. Moscow: Nauka publ.; 1989. (In Russian).
- [6] Feynman R, Leighton R, Sands M. *Feynman Lectures on Physics: in 4 Pt*. Ch. 3—4. 3 ed. Moscow: Mir publ.; 1976. (In Russian).
- [7] Kuhn T. *The Structure of Scientific Revolution*. 2 ed. Moscow: Progress publ.; 1977. (In Russian).
- [8] Kant I. *Critique of Pure Reason* (B, 1787). In: *Collection in Russian and German Lang*. T. 2. P. 1. Moscow: Nauka publ.; 2006. (In Russian).
- [9] Kant I. *Critique of Pure Reason* (A, 1781). In: *Collection in Russian and German Lang*. T. 2. P. 2. Moscow: Nauka publ.; 2006. (In Russian).
- [10] Cohen H. *Kommentar zu Immanuel Kants Kritik der reinen Vernunft*. Zweite Aufl. Leipzig: Felix Meiner; 1917.
- [11] Natorp P. *Kant and the Marburg School*. In: *Collection*. Kurenaya VA, editor. Moscow: ID «Territoriya budushego» publ.; 2006. P. 119—144. (In Russian).
- [12] Cohen H. *Logik der reinen Erkenntnis*. 3. Aufl. Berlin: Bruno Cassirer; 1922.
- [13] Edel G. *Von der Vernunftkritik zur Erkenntnislogik. Die Entwicklung der theoretischen Philosophie Hermann Kohens*. Freiburg, Munchen: Karl Alber; 1986.
- [14] Sokuler ZA. *Hermann Kohens and Philosophy of Dialogue*. Moscow: Progress-Tradiciya publ.; 2008. (In Russian).
- [15] Marx W. *Die philosophische Entwicklung Paul Natorps im Hinblick auf das System Hermann Kohens*. In: *Materialen zur Neukantianismus-Diskussion*. Ollig H-L, hrsg. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft; 1987. S. 66—86.

- [16] Cohen H. *Kants Theorie der Erfahrung*. 3. Aufl. Berlin: Bruno Cassirer; 1918.
- [17] Natorp P. *Die logischen Grundlagen der exakten Wissenschaften*. Leipzig, Berlin: Teubner; 1910.
- [18] Mayerhofer H. *Der philosophische Begriff der Bewegung in Hermann Cohens "Logik der reinen Erkenntnis"*. Wien: Universitätsverlag; 2004.
- [19] Belov VN. *The Philosophy System of Hermann Cohen*. Moscow: LENAND publ.; 2022. (In Russian).
- [20] Sakketti AL. The Philosophy of Hermann Cohen. Dmitrieva NA, editor. *Kantian Journal*. 2021;40(2):95—130. (In Russian). <https://doi.org/10.5922/0207-6918-2021-2-4>
- [21] Natorp P. *Platos Ideenlehre. Eine Einföhrung in den Idealismus*. Leipzig: Verlag der Durr'schen Buchhandlung; 1903.
- [22] Cassirer E. Hermann Cohen und die Erneuerung der Kantischen Philosophie. *Kant-Studien*. 1912;17(1—3):252—273.
- [23] Noras AJ. *Geschichte des Neukantianismus*. Kubalica T, übersetzt. Berlin, etc.: Peter Lang; 2020.
- [24] Holzhey H. *Cohen und Natorp: in 2 Bdn*. Bd. 1. Basel; Stuttgart: Schwabe & Co. Verl.; 1986.
- [25] Belov VN. The Method of the Infinitesimal as the Principle of the Theory of Knowledge in Systematic Constructions of H. Cohen. *Voprosy Filosofii*. 2018;(3):68—74. (In Russian).
- [26] Dmitrieva NA. *The concept of a priori in German and Russian neo-Kantianism*. In: Kruglov AN, editor. *Variety A priori*. Moscow: Kanon+ publ.; 2013. P. 129—148. (In Russian).

Сведения об авторе:

Семенов Валерий Евгеньевич — доктор философских наук, профессор кафедры истории зарубежной философии, философский факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (e-mail: semyonov.ve@philos.msu.ru). ORCID: 0000-0002-0486-8697

About the author:

Semyonov Valeriy Ye. — PhD in Philosophy, Professor, Department of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (e-mail: semyonov.ve@philos.msu.ru). ORCID: 0000-0002-0486-8697